

И эта проблема поставила перед российским научно-педагогическим сообществом (не будем разделять его на светское и церковное) серьезную задачу: как это сделать на системном уровне?

Рассмотрение этой темы порождает целый ряд взаимосвязанных вопросов. Среди них можно обозначить: проблемы содержания государственных стандартов профессионального теологического образования и их соответствия самому смыслу теологии; проблемы существенных изменений в содержании теологического образования в церковных вузах в случае их перехода на государственные образовательные стандарты; проблемы лицензирования и аккредитации церковных вузов; перспективы подготовки в конфессиональных учебных заведениях специалистов по социально-гуманитарным и педагогическим направлениям; вопросы преподавания теологии конфессий в светских (государственных и негосударственных) вузах. Понятно, что я перечислил только некоторые из вопросов. Явно отдельную тему составят юридические и бюджетно-финансовые проблемы, которые возникнут в перспективе включения религиозных образовательных учреждений в систему образования, финансируемого за счет средств государственных бюджетов всех уровней.

Наш круглый стол служит скромной цели — обменяться мнениями о том, как обстоят дела в учебных заведениях, которые мы представляем. И я предлагаю уважаемым коллегам высказывать свои мысли, касающиеся обозначенных вопросов.

Протоиерей Владимир Хулан

Реформа системы духовного образования Русской Православной Церкви идет уже несколько лет. Сейчас мы начали очередной ее этап, который связан с императивом Патриарха Кирилла, озвученным им на совещании ректоров духовных школ 13 ноября 2009 года в храме Христа Спасителя в Москве. Суть его — нужно добиться государственного признания для системы духовного образования. А в связи с тем, что вся система государственного образования в России сегодня интегрируется в Болонский процесс, то же самое теперь предстоит сделать и нам. Именно этому был посвящен пакет доку-

ментов, принятый Священным Синодом Русской Православной Церкви 22 марта 2011 года.

Некоторое время назад православные духовные учебные заведения начали процесс получения государственной лицензии и аккредитации. Конечно, прежде всего речь идет о ведущих духовных учебных заведениях: это Московская и Санкт-Петербургская духовные школы, самые лучшие региональные семинарии, прежде всего находящиеся в крупных административных центрах. Государственную лицензию получили уже несколько семинарий, государственную аккредитацию пока только одна — Смоленская. Государственная аккредитация духовных учебных заведений открывает выпускникам возможность работы в светской сфере. Поскольку наши дипломы сейчас государством не признаются, то семинаристы-выпускники не могут работать в госструктурах, в светских вузах, в школах. После получения государственной аккредитации наши выпускники будут получать два диплома (церковный и государственный) и смогут при желании преподавать теологию в светском учебном заведении.

Однако на этом пути возникает много различных вопросов и проблем: как технических, так и принципиальных. Встает вопрос о том, как соотносится возможность выдавать дипломы государственного образца и сохранение того уникального наследия, которое в системе духовного образования было накоплено на протяжении столетий. Конечно, само вхождение в систему высшего образования подтягивает или во многом может подтянуть духовные учебные заведения, хотя бы уже на уровне рефлексии о том, чем мы занимаемся. Это прекрасная возможность посмотреть на образование не только как на процесс, но и оценить, используя болонскую терминологию, необходимые компетенции, то есть понять, кто нам нужен «на выходе», какими компетенциями, какими качествами должен обладать священнослужитель, заканчивающий духовное учебное заведение, имеющее государственную аккредитацию.

В этом отношении государственный стандарт третьего поколения по теологии намного лучше, чем стандарт второго поколения, он дает намного больше свободы духовным учебным заведениям. Однако, тем не менее, возникает ряд коллизий. Например, традиционно в духовных учебных заведениях первая неделя Великого поста, Страстная и Пасхальная седмицы — всегда были и остаются богослужебными. Это ставит вопрос о количестве учебных недель, кото-

рые требует госстандарт (хотя конечно, их можно включить в учебный план как практику — но тогда возникают вопросы по ее продолжительности). Могут ли нам предписывать нам то, как мы должны регулировать богослужебную жизнь, то есть существенную составляющую подготовки пастырей? Очень серьезный вопрос связан с зачислением по результатам ЕГЭ. Получается, что духовные учебные заведения не имеют права требовать рекомендации от приходского священника и епархиального архиерея, свидетельствующие о воцерковленности абитуриентов. Формально мы не будем иметь права проводить свои вступительные экзамены, будем обязаны брать в семинарию девушек и т.д. Мне кажется, что следует двигаться по тому пути, чтобы духовные учебные заведения (по крайней мере, самые статусные из них) приравнять в нашей системе высшего образования к военным вузам, вузам профиля искусств и т.п. — т.е. к тем, которые имеют возможность в рамках имеющихся госстандартов определять учебные планы более свободно. Безусловно, такой подход предполагает обычный процесс получения государственной лицензии и аккредитации с предоставлением всех необходимых документов и соблюдением основных формальных признаков. Это было бы знаком уважения государства к конфессиональным особенностям духовного образования. Это позволило бы государству признать духовное образование, а духовным школам — не потерять ту идентичность, которой они обладают.

Что же касается реформы системы духовного образования, то еще один важный аспект, на который указывает священноначалие Русской Православной Церкви, — не «внешний», а «внутренний». Он заключается в том, что реформа — это способ навести порядок в системе духовного образования, поднять образовательный уровень духовных школ. В первую очередь необходимо модернизировать учебных программ в соответствии с условиями времени. Ведь во многом наше духовное образование ориентировано на подготовку максимального количества приходских священников, которые, прежде всего, совершали бы богослужения. Дело обстоит так потому, что в советское время государство жестко пресекало все попытки какой-то иной, внебогослужебной деятельности священников. Нынешним же реалиями это не соответствует. Поэтому круг преподаваемых предметов мы существенно расширяем. Например, в нашей магистратуре на церковно-практическом отделении вводятся такие новые для духовных школ предметы, как «Тюремное служе-

ние», «Возрастная психология», «Культура коммуникации», «Церковь и СМИ», «Реабилитация наркозависимых» и др. В этом отношении Болонский процесс — замечательная возможность варьировать сетку учебных часов в зависимости от потребностей учебного заведения. Лично я считаю, что в этом подходе заключается большой потенциал для развития духовных школ.

Современный священник уже не может замкнуться в рамках только богослужебной жизни. Он должен озвучивать позицию Церкви в самых разных ситуациях, отвечать на разнообразные вопросы прихожан, общаться с чиновниками, с прессой. Поэтому важнее не просто вложить будущему пастырю в голову определенный пакет знаний (к тому же, сколько бы лет мы ни учились, этого все равно будет недостаточно), важнее научить добывать знания самому. В этом отношении важную роль играет приглашение специалистов из светских вузов, особенно на церковно-историческом и церковно-практическом отделениях. Например, в 2011 г. совместный образовательный модуль «Социальная работа в Русской Православной Церкви» был реализован совместно с Санкт-Петербургским государственным институтом психологии и социальной работы (он включал в себя дисциплины «Доктрина социального служения РПЦ», «Правовые основы социального служения РПЦ», «Социальная работа с семьей и детьми», «Социальная работа с лицами с аддиктивным поведением»). После прохождения курса студенты получили свидетельство о повышении квалификации государственного образца. Пока вопрос о государственном признании духовного образования в нашей стране до конца не решен, получение подобных документов могло бы стать еще одним фактором создания атмосферы доверия между государственной системой образования и православными священнослужителями. Кредитно-модульная система открывает большие возможности для создания подобных курсов в будущем.

Интересно, как студенты оценивают эти изменения. Мы регулярно проводим анонимные опросы студентов, которые оценивают новые учебные курсы по ряду показателей. Благодаря этому мы получаем, как мне кажется, довольно объективную картину. Большинство новых предметов идут «на ура». Добавлю, что Болонская система особенно хороша для серьезных семинаристов, которые действительно хотят чего-то достичь, так как степень самостоятельности студента в этой системе неизмеримо больше, нежели в привычной

нам. Поэтому количество лекций у нас постепенно сокращается, и одновременно увеличивается количество семинаров, практических занятий и часов для самостоятельной работы. Это естественный процесс. А в магистратуре у студентов появилась возможность специализации по одному из направлений: богословскому, библейскому, церковно-историческому и церковно-практическому.

Конечно, для преподавателей работать в рамках Болонской системы методически гораздо сложнее. Преподаватель должен не просто знать материал, он должен разработать методику ведения курса, научить студентов работать с источниками, решать ту или иную проблему. Нужно не просто дать студенту некий минимум знаний, но научить его самостоятельно мыслить в рамках православной традиции, самому искать ответы на вопросы, опираясь на Предание Церкви. А это гораздо более сложная задача.

Священник Алексей Яндушев-Румянцев

Представляя позицию Католической церкви по этому вопросу я могу сказать, что мы находимся в очень деликатной ситуации. Потому что Католическая Церковь России постоянно живёт в особом измерении: между Римом Первым и Римом Третьим, между Госвластью в России и Апостольской Столицей. И, тем не менее, не смотря не все наши попытки балансировать и найти какую-то золотую середину, я считаю, что наша позиция довольно таки выигрышная, именно потому, что мы меньше всего заинтересованы в Госаккредитации. Сейчас объясню почему. Сейчас наша семинария как раз проходит процесс получения лицензии, и мы думаем, скорее всего, по крайней мере на сегодняшний день, такова наша позиция, на этом ограничиться. Мы изучили досконально Государственную образовательную программу, а также наши перспективы и наши выгоды от вступление в неё, так скажем, взвесив всё «за» и «против». Вот этих «против» у нас появилось больше, чем «за». Во-первых, наша католическая система богословского образования и подготовка будущих священников очень специфичны. Внесение в эту про-